

А.В. Смоляк*

КОНЦЕПТЫ «ГРАММАТОЛОГИИ» КАК МЕХАНИЗМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ

В статье рассматриваются концепты, созданные Жаком Деррида в рамках проекта «грамматологии», и анализируются перспективы их применения для осмысления механизмов функционирования литературных текстов в читательской рецепции. Автор предварительно сопоставляет «традиционный» подход к интерпретации текста с «постструктуралистским» подходом, затем делает обзор работы Жака Деррида «О грамматологии», после чего последовательно рассматривает понятия грамматологии, а именно – деконструкцию, Différance, Supplément, trace, écriture, рассуждая о возможностях их использования в интерпретации литературных текстов.

Ключевые слова: Деррида, интерпретация, грамматология, деконструкция, Différance, Supplément, trace, écriture

The concepts of «grammatology» as the mechanisms of literary text interpretation. ALEKSEY V. SMOLYAK (Far Eastern Federal University)

The article examines the concepts created by Jacques Derrida within his «grammatology» project and analyzes the prospects of their use in revealing how literary texts function in the reader's reception. At first, the author compares the «traditional» approach to textual interpretation with the «poststructuralist» one, then reviews Jacques Derrida's work «Of Grammatology», and after that consecutively examines the concepts of grammatology, namely, deconstruction, Différance, Supplement, trace, écriture, while discussing the possibilities of their application to the interpretation of literary texts.

Keywords: Derrida, interpretation, grammatology, deconstruction, Différance, Supplément, trace, écriture

В постструктуралистском представлении западная философия как таковая по преимуществу есть метафизика. В то же время западная философия также есть непрекращающееся усилие по разрыву с метафизическим мышлением, механизмами метафизической рациональности. Осознание проблематичности метафизики как традиции, навязывающей мышлению жесткие сигнификативные рамки и тем самым ограничивающей его свободу, навязывающей ему

свои предустановки, результатом которых становится возникновение эпистемологических иллюзий и заблуждений, при желании можно проследить вплоть до самой древнегреческой философии – ее, метафизики, области происхождения (здесь можно, по мнению М. Фуко, вспомнить релятивистские идеи софистов или самого «автора» метафизики – Платона [17]). С тех пор критические настроения по отношению к метафизике лишь укреплялись, хоть

* СМОЛЯК Алексей Владимирович, аспирант Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: smolyak_av@dvfu.ru

© Смоляк А.В., 2021

и в артикулированном виде появились спустя значительный промежуток времени – впервые, вероятно, у Ф. Ницше [15], а позже и М. Хайдеггер объявил преодоление метафизики своей программной задачей [14].

Впрочем, наиболее радикальную форму критика общих предпосылок западного мышления приобретает у Жака Деррида, который обозначил их как «Онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризм». И критика его радикальна, как на уровне постановки проблемы (а обоснование негативности аспектов метафизики осуществляется Ж. Деррида жестко и бескомпромиссно), так и на уровне предложенных стратегий решения этой проблемы, совокупность которых обозначается термином «деконструкция». Если философия Ж. Деррида – это проект по подрыву самых фундаментальных принципов западного мышления, то она есть попытка помыслить немислимое – немислимое ранее в метафизической метапарадигме, то есть неподдающееся ее осмыслению, либо сознательно вытесняемое ею. Эта попытка, безусловно, сопряжена с некоторой трудностью: интеллигибельное как таковое функционирует по законам метафизики.

По мысли Ж. Деррида, развитой в работе 1967 г. «О грамматиологии», эту трудность представляется возможным преодолеть, если выявить структуру, посредством которой метафизика осуществляет себя. И эта структура есть *голос*, на ней базируется традиция так называемого фоноцентризма или, шире, логоцентризма (под которым здесь понимается фундаментальная пред-установку «классической культурной традиции, основания которой оцениваются как фундированные идеей тотально господствующего Логоса. Данная установка имеет следствием, с точки зрения постмодернизма, неправомерное осмысление бытия в качестве начала, имеющего имманентную “логику” и подчиненного динамическим законам линейного детерминизма» [5, с. 290]). Затем необходимо взять противоположную ему, традиционно угнетаемую структуру, с которой он формирует бинарную оппозицию. Эта вторая структура есть *письмо*. И если в центре метафизики находится положение о возможности непосредственной данности идеи в голосе, или «вокального медиума» как связующего звена между сознанием и Бытием [7, с. 119], то в рамках деконструктивной работы следует исходить из положения о первичности письма по отношению к голосу и, более того, из положения о том, что вне тек-

ста (письма) не существует ничего. Исходя из этого, можно было бы предположить, что интерпретация литературы и текста в широком смысле – это то поле, где можно бросить вызов метафизике. Текстуальность будто способна от нее ускользнуть, ускользнуть от многовековой культуры тотального фоно-логоцентризма: от Сократа, чье философствование сознательно осуществлялось исключительно посредством речи, до М. Хайдеггера с его «прислушиванием к голосу бытия».

В данной статье я ставлю себе задачей показать, как те новые механизмы познания и мышления, которые Ж. Деррида представляет в труде «О Грамматологии», открывают новый способ понимания литературного текста и его интерпретации. Я прокомментирую и проинтерпретирую ключевые концепты, разработанные Ж. Деррида в рамках проекта «грамматологии», в философском контексте, а именно в контексте их приложения к онтологической и эпистемологической проблематике, а также произведу погружение их в пространство «чтения» как рецепции и интерпретации художественного текста, которое понимается здесь как пространство, где философские концепты, служащие инструментами деконструктивной работы, проявляют себя чрезвычайно репрезентативно, в высочайшей степени эксплицируя собственный потенциал и содержание.

Центральные установки и задачи грамматиологии

Для начала я сделаю краткий обзор книги Жака Деррида, о которой далее пойдет речь. «О грамматиологии» – программный текст, как для французского философа, так и для всего постструктурализма в целом: здесь формулируется проблематика, аксиологические предпосылки, которые в дальнейшем в том или ином виде будут иметь место в работах большинства философов, относимых к данному течению; стиль, как самого письма Ж. Деррида, так и собственно его философствования, его мысли, также очерчивает и задает тенденции, характерные для постструктурализма. «О грамматиологии» – это, с одной стороны, избобличение некоторых симптоматических проявлений метафизики – мыслительных ходов и умозаключений – в текстах Ж.-Ж. Руссо, К. Леви-Строса и Ф. де Соссюра. С другой стороны, в этой работе дается первичное описание деконструкции – одной из магистральных концепций постструктурализма, с

которой так или иначе соотносятся все прочие продукты постметафизического мышления – и излагается, как можно было бы сказать, ее теоретическая база. Хотя, разумеется, правильнее было бы ее охарактеризовать как некий набор паттернов, фиксирующих деконструктивную методологию, принципы и логику деконструкции. И это – принципиальный момент, так как любую теоретизацию представляется возможным понимать как симптом логоцентризма, а значит, в определенном смысле, заблуждение.

Перед тем, как говорить о применении концептов «грамматологии» к литературе, необходимо также дать объяснение неудовлетворенности постструктуралистов традиционными подходами к прочтению художественных произведений, разумеется, испытывающими влияние метафизики. Легитимность процесса традиционного «герменевтического» прочтения текста, его рецепции и интерпретации, сомнительна, если оценивать ее с позиций Ж. Деррида, постструктурализма и философии постмодерна в целом, по следующим причинам. Во-первых, она была подврана кризисом репрезентации, связанной с изысканиями Соссюра, который подверг критике былые представления о сущности знака как структуре означающего/означаемого, характеризующейся прочной связью между последними, структуре, в которой означаемое занимает привилегированное положение. Более того, любая форма метафизики присутствия, пусть даже имплицитно, склонна редуцировать означающее к означаемому, либо трансформировать означающее в означаемое [7, с. 122]. Собственно, иллюзия подвластности письма некоему референту, идее, интенции – или, в более абстрактном плане, иллюзия порождения всего сущего из некоего смыслового пред-заданного центра – есть одна из наиболее характерных черт логоцентризма. Во-вторых, традиционный подход к чтению обусловлен, по своей сути, осуществлением властного насилия тотализации как проявления логоцентрического мышления над мышлением постметафизическим, подразумевающим свободу от деструктивных атрибутов метафизики и, следовательно, базирующемся, помимо прочего, на идее множественности и децентрированности. Подобное положение вещей проистекает из фундирующего для всей континентальной философии картезианского тезиса о тождестве бытия и мышления и, как следствие, идеи самоприсутствия истины и

смысла для субъекта, которая, в свою очередь, обуславливает убежденность в наличии «абсолютного» привилегированного смысла в литературном тексте.

Ж. Деррида, артикулируя проблемы, смежные с обозначенными выше, предлагает обратиться «к области недосказанного по поводу метафизики или онтологологии логоса (преимущественно в ее гегелевском виде) как немого сновидного усилия, как попытки справиться с отсутствием как таковым путем редукции метафоры, ее растворения в абсолютной явленности (parousia) смысла» [9, с. 247] с целью выработать набор эпистемологических установок, фундировав его идеей метафорической природы знаковых систем.

Грамматология, таким образом, направлена против деривационной концепции знака, ее становление сопряжено с необходимостью преодолеть представление о том, что текст вторичен по отношению к идее, замыслу, что текст является его производным. Традиционно интерпретация есть реконструкция трансцендентного тексту замысла, реконструкция «истинного» смысла как присутствия для читателя. В то время как для Ж. Деррида «знак репрезентирует самого себя... Вне повторения, репрезентации он не может быть знаком, не может быть тем, что представляет собой не-само-идентичность, которая регулярно отсылает к тому же самому... То есть к другому знаку». Мир в его знаковой репрезентации предстает, таким образом, как цепь непрерывных отсылок и референциальных сопоставлений, где сплошь фигурируют одни лишь знаки» [8, с. 354]. Из этого следует, что грамматология есть наука о письме, радикально приоритизирующая его риторический модус в противовес референциальному, а значит исследующая возможности множественности смысла, его неизбежно процессуального и нефинализируемого характера.

Е.Н. Гурко в работе «Деконструкция, тексты и интерпретация. Деррида» связывает дерридеанское понимание письма с балансированием «на грани “ничто/нечто”» и заключает, что «для сохранения этого невозможного (для традиционных толкований) эквilibра требуется радикальный пересмотр и самого понятия письменности, и всего того, что так или иначе связывалось с этим понятием в западной культурной традиции. Такой пересмотр и реализует деконструкция, предлагающая при этом не просто новое толкование письменности, но, по

сути, полную переоценку и смысла, и способов, и результатов философствования» [7, с. 73].

Итак, концепты, описанные в «О грамматологии», направлены на критику понятийного ряда, принадлежащего метафизике присутствия и фундаментального для нее. Здесь важно, что каждый из этих концептов функционирует по принципу *différance* (о котором – позже), то есть не являет собой антитезу противоположного ему метафизического концепта, образуя с ним, таким образом, бинарную структуру, которая могла бы выйти на новый уровень своего развития путем операции *Aufheben*. Ж. Деррида разрабатывает концепты, альтернативные логическим схемам метафизики, предшествующие ей, невозможные для нее. Эти концепты есть результат работы, целью которой положен выход за рамки логики тождества и присутствия и диалектики, как частного случая первой, выход в пространство без угнетения, отрицания, провозглашения одного из членов любой бинарной оппозиции заведомо слабым. Напротив, это искомое пространство есть пространство сосуществования, пространство новых «правил игры», конституируемых концептами *Différance* (различание), *Supplément* (восполнение), *tracé* (след), *écriture* (письмо), которые описывают сам новый способ концептуализации и порождения смысла в рамках постструктуралистской эпистемы.

Деконструкция как форма существования текста

Все названные выше концепты были созданы Жаком Деррида в рамках большого проекта деконструкции, они ее поддерживают, они же ее осуществляют. Я не буду пытаться дать ей некое линейное определение, потому как это шло бы вразрез с ее изначальным замыслом, ведь «любые термины, призванные раскрыть определение, также будут подлежать деконструированию» [2, с. 138], но скажем – «нечто, относящееся» к деконструкции, собственно, вслед за Ж. Деррида, который этим ходом отрицает тотальность и, напротив, подчеркивает множественность, неограниченный потенциал возможных смыслов деконструкции.

Происхождение деконструкции у Ж. Деррида восходит к общей задаче по выявлению иррационального характера «традиционных метафизических формаций», каждая из которых конституируется в виде структуры, понимаемой как совокупность наличных элементов, выстро-

енных по определенной рациональной логике вокруг некоего смыслового центра. Деконструкция, таким образом, направлена против структур в их традиционной форме, присущей метафизике наличия, где, согласно А.В. Дьякову, структура «всегда оказывалась нейтрализованной приданием ей центра, т.е. соотношением с точкой присутствия или фиксированным источником. Этот центр был призван ориентировать, уравнивать и организовывать структуру, а главное — ограничивать «игру» элементов» [11, с. 221]. Это положение вещей в постструктурализме обозначается как «принцип центрации». Г.К. Косиков объясняет его следующим образом: «В философии и психологии он приводит к рациоцентризму, утверждающему примат дискурсивно-логического сознания над всеми прочими его формами... Вариантом философии «центрации» является субстанциалистский редукционизм, постулирующий наличие некоей неподвижной исходной сущности, нуждающейся лишь в воплощении в том или ином материале; в философии это представление о субъекте как своеобразном центре смысловой иррадиации, «опредмечиваемом» в объекте; в лингвистике – идея первичности означаемого, закрепляемого при помощи означающего, или первичности денотации по отношению к коннотации; в литературоведении – это концепция «содержания», предшествующего своей «выразительной форме» [13, с. 35–36].

Деконструкция – это продукт общей постструктуралистской ориентации на дезавуирование центра, то есть на децентрацию, необходимую по той причине, что, в частности, «для Деррида наличие центра – это помеха беспрепятственной игре взаимозамен между элементами внутри структуры» [1, с. 130]. Деконструкция в этом смысле не столько разрушает этот центр, сколько демонстрирует его эфемерность и, как следствие, эфемерность вышеупомянутых традиционных метафизических формаций. «Вся история понятия структуры представляется Деррида серией подмен одного центра другим как цепочка его определений... история западной метафизики становится историей этих метафор или метонимий... центра попросту нет, он не может быть помыслен в форме некоего присутствующего сущего, “он является не определенным местом, а функцией, в своем роде неуместностью, в которой до бесконечности разыгрываются подстановки знаков”» [11, с. 221–222].

Деконструкция становится возможной в результате акцентировки внимания на не-наличных элементах структуры, то есть на всем неструктурном в ней. Эта исходная точка, эта возможность кристаллизуется на фоне того предположения, что метафизика присутствия исходит «из посылки, что статус рационального в культуре не самовоспроизводится на собственном материале, но поддерживается постоянным усилием по вытеснению из его сферы элементов, оказывающихся не-мыслью, не-мыслимым» [4, с. 114], то есть не-наличным. Иными словами, метафизика присутствия репрессивна по отношению к *отсутствию*, которое в постструктурализме понимается как нечто, играющее конститутивную роль в функционировании любых структур в их постметафизическом понимании. В рамках работы по преодолению метафизики мы и должны заняться анализом этого «не-наличного», «не-присутствия» – пространства, по выражению Ж. Деррида, в «зияниях» между наличными элементами структуры. Если понимать деконструкцию как стратегию интерпретации текста или того, что можно было бы назвать системами знаков или означающих, то при работе с ними в первую очередь представляется интересным свойство знаков производить отсутствие в процессе *différance* как откладывания во времени и смещения в пространстве (подробнее об этом – далее).

Если логоцентризм в решении вопроса об истинном понимании сущности знака и знаковых структур апеллирует к трансцендентальным означаемым, то есть к идеальным сущностям метафизического порядка, понимаемым также в качестве «внетекстуального референта [как] онтологического гаранта адекватной отнесенности текстовой семантики» [6, с. 668], нам же нужно работать с означающими во всей их телесной материальности. По Ж. Деррида, «движения деконструкции не требуют обращения к внешним структурам... деконструкция с необходимостью осуществляется изнутри; она... заимствует у прежней структуры все стратегические и экономические средства ниспровержения и увлекается своей работой до самозабвения» [9, с. 141]. Так пишет об этом Р. Сальдивар: «Деконструкция является демонтажем старой структуры, предпринятым с целью показать, что ее претензии на безусловный приоритет являются лишь результатом человеческих усилий и, следовательно, могут быть подвергнуты пересмотру» [18, р. 140].

Деконструкция, таким образом, осуществляет делигитимацию идеи абсолютного смысла через демонстрацию необоснованности притязаний субъекта на осуществление своего властного желания, реализовываемого путем навязывания означаемым структурам текста конечного смысла, то есть «единственно верного», «истинного» варианта интерпретации. Это означает, что применение комплекса деконструктивистских установок к процессу чтения ведет к семантической множественности, потенциальной неограниченности возможностей производства смысла, который отныне не привязан к инстанции автора.

Деконструктивистская манера проявляется также в исполненном нигилизма стремлении разрушить мнимую целостность повествовательного дискурса: текст представляется набором фрагментов, который способен обрести когерентность лишь в процессе чтения, который, в сущности, и является неперенным условием обретения текстом целостности и сводится, в определенном смысле, к построению связей в пространствах отсутствия между наличествующими означающими. Подобный подход к чтению есть результат более широкого воздействия деконструкции на осмысление знаковых систем как таковых: он разрушает идею тождества означающего и означаемого, в сущности, отказываясь от последнего и оперируя исключительно в плоскости текста. Деконструкция, предаваясь «свободной игре интерпретации», ожидает момента, когда текст проявит «свое другое» и выйдет из-под давления ценностных установок, которые автор пытался в него внедрить в ходе написания.

Развивая тему ценностных установок, имеющих в тексте, – эксплицитных или имплицитных, то есть проявляющихся как «свое другое», я рассмотрю перенос анализа бинарных оппозиций как одной из трактовок дерридеанской деконструкции в контекст литературоведческого анализа конфликтов. Так этот вариант трактовки описывает со ссылкой на Э. Истоупа И.П. Ильин: «Критический анализ традиционных бинарных оппозиций, в которых левосторонний термин претендует на привилегированное положение, отрицая право на него со стороны правостороннего термина, от которого он зависит. Цель анализа состоит не в том, чтобы поменять местами ценности бинарной оппозиции, а скорее в том, чтобы нарушить или уничтожить их противостояние,

релятивизировав их отношения» [12, с. 179]. В свою очередь, как я уже указывал в предыдущих работах, структуру любого повествовательного литературного текста возможно воспринимать как «последовательность конфликтов, даже если они представлены не в форме открытого антагонизма персонажей, а лишь чередой ретардаций развития действия, либо, напротив, катализаторов развития действия» [16, с. 98], или, что, пожалуй, еще более примечательно, в форме противопоставления неких семантических конструкций как аксиологических моделей. Если исходить из идеи о том, что конфликт структурно представляет собой бинарную оппозицию – двустороннее отношение, характеризующееся взаимной противопоставленностью по некоему критерию, то деконструктивистское производство смыслов литературного текста стоило бы выстроить в том числе вокруг анализа конфликтов.

Подводя некий промежуточный итог, приведем цитату И.П. Ильина, который в книге «Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм» характеризует глобальные стратегические цели деконструкции как философского метода следующим образом: «Деконструктивисты пытаются доказать, что любой системе художественного мышления присущ “риторический” и “метафизический” характер. Предполагается, что каждая система, основанная на определенных мировоззренческих предпосылках, т.е., по деконструктивистским понятиям, на “метафизике”, якобы является исключительно “идеологической стратегией”, “риторикой убеждения”, направленной на читателя. Кроме того, утверждается, что эта риторика всегда претендует на то, чтобы быть основанной на целостной системе самоочевидных истин-аксиом. Деконструкция призвана не разрушить эти системы аксиом, специфичные для каждого исторического периода и зафиксированные в любом художественном тексте данной эпохи, но прежде всего выявить внутреннюю противоречивость любых аксиоматических систем, понимаемую в языковом плане как столкновение различных “модусов обозначения”» [12, с. 188–189].

Необходимо также сделать ремарку о том, что итерация деконструкции, описанная Ж. Деррида в «О грамматологии» (в отличие от тех ее вариантов, что были развиты так называемыми «деконструктивистами»), не является набором читательских интерпретативных приемов, но

есть скорее форма осуществления текста в его рецепции, способ его существования. Конкретные механизмы, с помощью которых у Ж. Деррида сама текстуальность (в ее постструктуралистском понимании) становится возможной, будут описаны и проанализированы далее.

Différance,

или семантическая множественность

Одним из фундаментальных тезисов для логоцентрической философской традиций, тезисов, конструирующих, в сущности, все аспекты и формы метафизического мышления, является картезианское «*cogito ergo sum*» – «мыслю, следовательно, существую», провозглашающее тождество бытия и мышления или потенциально всецелое наличие созерцаемого объекта для воспринимающего субъекта. В постструктурализме же, с его установкой на дискретность, фрагментарность и различие, и исходящем из общей предпосылки первичности языка по отношению к мышлению или, более того, руководствующемся гипотезой о мышлении как продукте языка, тезис Рене Декарта становится одним из центральных объектов критики. Концепт *Différance*, главным образом, направлен именно против идей тождества, единства, целостности и, разумеется, наличия, в противовес которому, в соответствии со своей двойной этимологией, выражает смысл отложенности в пространстве и отсроченности во времени, который, в свою очередь, вытекает из постметафизического представления о сущности знака. Таким образом, в парадигме, базирующейся на интегральной предпосылке о семиотической природе любых гносеологических процессов, *Différance* указывает на неспособность означающих фиксировать означаемые в их наличии для субъекта.

Для дальнейшего прояснения *Différance* вернемся к эволюции представления о знаковых системах в структурализме. Как отмечает Ж. Деррида, у Ф. де Соссюра знак определяют и наделяют значением его отличия от других подобных знаков, а отнюдь не самоидентичность [9, с. 176] – структурный элемент осмыслен не сам по себе, но осмысленность ему придают атрибуты, отличающие его от всех прочих элементов в некоей системе взаимоотношений. А различие как таковое есть способ данности неналичествующего в наличном, нетождественного в тождественном, точка выхода к другому. Иными словами, вне разли-

чия нет *смысла*, а собственно Différance есть основание, условие самой возможности этих отличий, и под этим его аспектом подразумевается вышеупомянутая отложенность – или разнесение – в пространстве. Е.Н. Гурко, цитируя работу самого Ж. Деррида, проясняет смысл Différance следующим образом: «[Это] “то движение, благодаря которому язык или любой код, или любая референциальная система в целом “исторически” конституируется как ткань различий”, где под “различием” понимается семиологическое различие, т.е. смысловое различие, дифференциация значений» [7, с. 86]. Повторим, знак не тождественен не только прочим знакам, но и самому себе – означающее всегда содержит свое Другое. И здесь имеется в виду, что тождество подразумевает единство и постоянство смысла, медиумом для которого является означающее; Différance же, напротив, постулирует соприсутствие множества смыслов, причина и возможность которого обусловлены сдвигом референта по отношению к знаку как во времени (и здесь – неприятие предположения о постоянства значения), так и в пространстве – семантическом, коннотативном и контекстуальном (что и делает осуществимой свободную игру означающих).

Специфика дерридеанской концепции знака вытекает из идеи о том, что для означающего недоступно полное и подлинное выражение фиксированного означаемого – означающее фиксирует лишь другое означающее, знак всегда отсылается только к другому знаку. Из этого возможно сделать вывод, что знак существует всегда-уже вне всяческого предшествования со стороны референта или сигнификата. Процесс эпистемологического взаимодействия с объектом, сетью объектов, с событием есть процесс, неизбежно погруженный в знаковое пространство, процесс немислимый вне его, осуществляющийся посредством – и в качестве подуровня – нон-финальной и тотальной игры означающих без выхода к означаемым, процесс базирующийся на Différance, иными словами, это тот модус, в котором происходит познание. Более того, этот концепт Ж. Деррида конструирует смысл формы и фундаментального принципа презентации мира как такового. Как пишут А.А. Грицанов и Е.Н. Гурко, Différance «выступает тем самым “первородным” исходным пространственно-временным движением, будучи более первичным, нежели присутствие любого элемента в структуре» [3, с. 108].

Применительно к проблеме интерпретации текста Différance также направлен, во-первых, против идеи *наличия* (присутствия): подобно тому, как в традиционной метафизике бытие, истина, смысл потенциально открыты в своей непосредственности, то есть наличествуют для субъекта – в то время, как в парадигме Différance контакт с бытием отсрочен во времени и сдвинут в пространстве. Этот механизм делает значение текста также недоступным, оно сдвинуто и отсрочено, и эти сдвиг и отсрочка имеют нелинейную природу, они описываются с помощью категории, названной Ж. Деррида «следом», и подчиняются законам самостиражения и взаимоналожения следов. Это приводит к тому, что смысл в процессе чтения не выявляется, а производится путем означивания следов и выбора – различАния – смыслов из их потенциально бесконечного множества, отложеного и рассеянного в пространстве. Под отсрочкой же здесь имеется в виду временной разрыв между актом написания и актом прочтения, где интерпретация, претендующая на истинность и согласованность с авторской интенцией, осложнена неизбежно происходящей вместе с течением времени подменой контекста, вне которого смысл как таковой принципиально невозможен. Во-вторых, Différance есть критика представления о тексте как знаковом образовании, где *тождественны* две плоскости, которые на языке логоцентрической филологии называется планами содержания и выражения, или, по крайней мере, они обладают некой прочной и статичной связью, что имеет следствием предположение о единственном или «правильном» смысле, который необходимо обнаружить в тексте. В то время как, по моему мнению, чтение текста есть работа, осуществляющаяся сугубо в плоскости текста, оно возможно только в качестве дифференциации из множества смыслов, возможных в «плане выражения» и конструирования смыслов в изначальном отсутствии «плана содержания». Разумеется, идея семантического плюрализма или даже бесконечности смыслов отдельного текста не является новой и была важной частью ряда концептуальных построений в герменевтике и структурализме, но Ж. Деррида посредством Différance совершил попытку осмысления и описания условия самой возможности текста иметь подобные свойства.

С точки зрения деконструкции, традиционный подход к интерпретации, подразумевающий угнетение работы Différance и следа и

пытающийся реконструировать якобы обусловленные некоей интенцией связи между означаемыми и означающими и вывести означаемые в пространство наличия, не способен это осуществить, ведь искомые связи всегда-уже отсутствуют, а выведение в наличие – невозможно, ведь оно, как предполагается, всегда лишь воображаемо.

Итак, *Différance* указывает на эффект иллюзорности непосредственного присутствия как такового, которое в действительности всегда отсрочено и опосредовано знаками. Чтобы артикулировать эту ситуацию и преодолеть классическую концепцию знака, которая представляется ему ложной, Ж. Деррида вводит концепт *следа*.

След как переосмысление

концепции знака в литературном тексте

Я уже упоминал о принципиальной неудовлетворенности постструктуралистов референциальной концепцией знака (которая, помимо прочего, является частным проявлением общей установки на критику картезианской презумпции тождества бытия и мышления), то есть знака как производного от некоторого объекта и замещающего его в ситуации отсутствия последнего, что подразумевает представление об означаемом, занимающем здесь привилегированную позицию, как об агенте чистого и подлинного, сопричастного логосу, смысла объекта во всем его наличии. В то время как для Ж. Деррида, пишет Е.Н. Гурко, «знак предшествует истине и сущности Бытия уже потому хотя бы, что, вопрошая об этом... мы пользуемся... знаками, которые опосредуют любую нашу попытку выхода к структурам Бытия. Это опосредование традиционно считалось преодолимым в западной философии за счет введения представления о присутствии человека при жизни мира и способности человека посредством языка быть одновременным с жизнью этого мира» [7, с. 76]. С этим представлением, собственно, и сопряжены все дискурсы в рамках логоцентрической западной философии, которую Ж. Деррида именует метафизикой присутствия (наличия) и интегральной ее характеристикой называет понимание «смысла бытия вообще как наличия (*présence*) – вместе со всеми теми определенностями более низких уровней, которые, в свою очередь, зависят от этой общей формы, именно в ней складываясь в систему, в историчную цепь (наличие вещи

для взгляда как *eidos*; наличие как субстанция-сущность-существование (*ousia*); наличие временное как точка (*stygme*) сиюминутности или настоящности (*nun*); самоналичность когито, сознание, субъективность, сональность себя и другого...) Иначе говоря, логоцентризм идет рука об руку с определенностью бытия сущего как наличности» [9, с. 126].

Концепт следа (*trace*) противостоит, таким образом, идее наличия, по Ж. Деррида, он является «симулякрот присутствия» [10, с. 47], что позволяет на промежуточной стадии дефинирования охарактеризовать его как означающее, которое порождает в рамках операции *прослеживания* означаемое для самого себя, или означающее, которое *стирает*, маскирует отсутствие означаемого и демонстрирует лишь след былого, но в действительности эфемерного наличия. Отсюда, след есть прослеживание и стирание – прослеживание означаемым (псевдо)означаемого и прочих означающих, отпечатанных на нем, оставивших на нем свой след в ходе процесса *Différance* или как результат *archi-écriture*; стирание первоначального означаемого, устранение следа ведущего к «реальному», наличествующему бытию и, если говорить о литературном тексте, к «подлинному», «метафизическому» смыслу текста, принадлежащему мнимому миру чистых идей и интенций. Иными словами, след, обуславливающий каждый отдельный фрагмент презентации мира субъекту, прослеживает свою соотнесенность с прочими следами, удерживая их внутри себя как свое-другое, и одновременно стирает эту соотнесенность из мира наличия (*présence*), ввиду ее невозможности для схватывания или осмысления в категориях метафизики, которой подчинена та историческая формация мышления, в рамках которой мы вынуждены оперировать.

Ж. Деррида пишет: «След есть фактически абсолютное (перво)начало смысла вообще. А это вновь и вновь означает, что абсолютного (перво)начала смысла вообще не существует» [9, с. 192]. Эксплицируя этот фрагмент текста Ж. Деррида, сошлемся на отвлеченную ситуацию, в рамках которой в контексте концепта следа можно было бы поставить фундаментальный метафизический вопрос о первичном источнике или первоначале: итак, процесс его поиска обнаружит, согласно концепции Ж. Деррида, лишь самостирающийся след. Если представить гипотетическую ситуацию выхода к

предельному возможному началу, перво-источнику, то обнаружена на его месте будет, предположительно, лишь «уже имеющаяся копия». Начало в концептуальной конструкции Ж. Деррида – это всегда-уже нечто производное. Сходным же образом и сущность – сводится к совокупности проявлений как следов, она эфемерна, иллюзорна. Эта иллюзия является результатом такого атрибута означающих (следов), как итеративность, под которой подразумевается альтерация смысла означающих в разных контекстах, но и сохранение некоторых смыслов ими из контекста в контекст. Если мы пытаемся выйти к «изначальному», обусловленному интенцией, смыслу текста, то обнаруживаем там всегда-уже текст как сеть означающих, являющихся самодостаточным и, предположительно, единственно возможным легитимным источником смысла; если мы рассматриваем текст как нечто внешнее по отношению ко внутреннему «сущностному» – идеальному и неизменному значению, то, как это очевидно с дерридеанских позиций, заблуждаемся.

В традиционном, логоцентрическом представлении художественный текст является целостной системой знаков как структур «означаемое/означающее», служащих агентами наличия, обеспечивающими доступ к наличию смысла текста для субъекта чтения. След (*trace*) с этой точки зрения есть след этого пред-заданного смысла, который сам по себе не-присутствует, он невозможен для самой логики функционирования следа, но лишь подразумевается правилами прагматики литературного текста – правилами игры, в которую вовлекаются инстанции, сопричастные процессу производства смысла. След есть, таким образом, переосмысленное, прошедшее процедуру деконструкции, означающее... И если *archi-écriture* есть нанесение следов, то литературный текст есть некая совокупность следов, которая являет собой бесконечную соотношенность следов – как имманентных, так и трансцендентных тексту – друг с другом на фоне отсутствия пред-заданного референта. Отсюда, написание текста утрачивает значение композиционного изображения чистых смыслов посредством языка, но понимается как процесс нанесения всегда-уже существующих следов. Далее можно было бы сделать вывод, что так называемый «смысл», рассмотренный с позиций постструктурализма, оказывается лишь эффектом, производимым текстом.

Впрочем, развивая и радикализируя эту мысль, я пойду дальше и скажу, что «смысла», понимаемого метафизически, а именно, в качестве некой сущности, внешней по отношению к тексту, принадлежащей порядку идей, который предшествуют собственной вербальной или текстуальной артикуляции, не существует. «Смысла» не существует, поскольку в парадигме деконструкции возможна лишь взаимная соотношенность следов с другими следами в пространстве письма (*écriture*), осуществляемая благодаря *Différance*. То, что конвенционально именуется смыслом, есть свойство наличных фрагментов текста быть референтами для фрагментов в тексте отсутствующих, но произведенных в иное время и в ином месте (отсроченных и отложенных) и открывших, таким образом, саму возможность для смыслов, на аутентичность которых данный текст притязает.

Archi-écriture – письмо, наносящее следы

Позиционное распределение следов и их взаимосоотношенность фиксируются посредством процесса письма (*écriture*). В этом отношении Деррида и утверждает, что письмо предшествует голосу [9, с. 120]: наименование некоторых вещей, а значит наделение их смыслом, пусть даже и в «устном» слове, возможно только благодаря перво-письму (*archi-écriture*) – самой возможности письма как нанесения следов и артикуляции опыта, то есть приведения его к членораздельности. В этом смысле «письмо» есть механизм, имманентно присутствующий познанию. А если опыт в постструктуралистской семиотике возможен только как опыт взаимодействия со знаковыми системами, то письмо становится основным способом репрезентации действительности для субъекта. Как пишет Н.С. Автономова, для Ж. Деррида «письмо – это технология обращения с материей языка и сознания и одновременно концептуальный каркас новой онтологии – онтологии различий <...> письмо воплощает сам принцип различия в бытии и сознании» [1, с. 49]. Здесь письмо может пониматься синонимично *Différance* – как расчленение, артикуляция опыта, иллюзорно предстающего недискретным. *Archi-écriture* есть сам процесс становления сферы существования как игры сигнификации – единственного, по Ж. Деррида, подлинного его, существования, модуса. Иными словами, если рассматривать существование как знаковую систему, то *Différance* как опространствование и овреме-

нение – становление временем пространства и становление пространством времени – фиксирует становление субъекта в форме письма.

Е.Н. Гурко, комментируя Ж. Деррида, пишет: «Письменность есть разрушение присутствия в знаке» [7, с. 95]. Отсюда *archi-écriture* может пониматься как процесс разрушения присутствия и порождения отсутствия, нечто разрушающее бытие и конструирующее его заново. Таким образом, письменность (письмо) – инструмент освобождения и создания значения. *Archi-écriture* вводится Деррида в рамках критики идеи означающего как чего-то, существующего до процесса его производства в письме, чего-то, наличествующего в самих структурах бытия или сознания.

Безусловно, и написание литературного текста с этих позиций представляет собой не что иное, как дерридеанское *écriture* – письмо как нанесение следов, а значит и производство означающих структур. Если исходить из обозначенного выше положения о «смысле» как взаимосоотнесенности следов, то сама возможность нового смысла открывается только в результате нанесения едва произведенных следов на уже имеющиеся – взаимодействия нового смысла со старым. Написание текста есть практика задействования семантического потенциала языка, который, что важно, имеется всегда-уже. Таким образом, письмо базируется на использовании паттернов означивания, сложившихся в данной традиции или, если использовать терминологию М. Фуко, эпистеме. Также написание текста подразумевает вовлечение новых, полученных в результате этого написания, следов в смыслообразующие сети, уже упомянутые паттерны означивания, в всеобщую циклическую и непрекращающуюся игру всеобщих отсылок, тотальную взаимосоотнесенность следов.

Показать нефинализируемый характер письма, его пребывание в состоянии вечного становления призван у Ж. Деррида принцип дополнительности – *Supplément*.

Supplément – восполнение неизбежного изначального отсутствия смысла

Концепт *Supplément* (обычно переводится с французского как «дополнение», «восполнение») вводится Ж. Деррида для описания принципа или логики всеобщего развития как становления посредством дополнения, восполнения, замещения или достраивания, в том числе при отсутствии видимой нехватки или

изъясна. *Supplément* призван преодолеть идею наличия как тотальности, самодостаточности, целостности, полноты, а также идею возможности (перво)начала. По Ж. Деррида, в любой системе нехватка и изъян всегда присутствуют, потому как для системы как смыслового образования невозможно быть полной и совершенной. Любая система несет в себе этот «врожденный порок» – дополнительность, *Supplément* – стремление дорастиваться, перестраиваться, производить внутри себя подмены, что является ее имманентным атрибутом. Концепт *Supplément* фиксирует саму процессуальность, понятую как способ развития системы через непрерывное становление, и может быть осмыслен как альтернатива диалектике. *Supplément* демонстрирует всеобщую установку постструктурализма на понимание Бытия как хаоса, где любые системы – природные или культурные – характеризуются непрерывной энтропией. Это означает, что структуры, принадлежащие миру, либо психике, развиваются не по принятой в логоцентризме линейной диалектической логике гегелевской триады тезиса-антитезы-снятия, но посредством дополнения и замещения при сохранении следов прошлых своих элементов и, собственно, благодаря взаимоналожению и взаимосоотнесенности этих следов.

Н.А. Автономова в работе «Философский язык Жака Деррида», подчеркивая антиметафизический характер этого концепта, пишет, что, благодаря работе «восполнения система самодостаточных и самотождественных определений (например, наличие, логоцентризм, метафизика, деконструкция) сдвигается с места, как каждое из них оказывается несамодостаточным и несамотождественным, а под ними обнаруживаются следы, выводящие к дифференцирующим механизмам» [1, с. 144]. *Supplément* открывает, таким образом, саму возможность для знаковых образований быть деконструированными. *Supplément* – это «различАние в действии», это способ потери и приобретения наличным своей определенности, способ осуществления постижения отсроченного, то, из-за чего «следы и их сочетания складываются в те или иные осмысленные конфигурации», из-за чего «работа психики на уровне архе-письма наполняется конкретным содержанием» [1, с. 144]. Представляется возможным сказать, что любое онтологическое и эпистемологическое событие можно интерпретировать в контексте

восполнения или – в иных терминах – оно есть принцип функционирования любой структуры, всех процессов, осуществляющихся внутри нее.

Таким образом, во-первых, производство (написание) любого литературного текста понимается в качестве акта дополнения к некоей системе, а именно литературной традиции, которая восполняет себя посредством «скриптора» (если пользоваться терминологией Р. Барта). Во-вторых, принцип производства смыслов внутри литературного текста возможен как продукт действия *Supplément*: Деррида называет *Supplément* вторым именем *Différance* и пишет, что «язык восполняет наличие, т.е. отстраняет-отсрочивает его, одержимый желанием вновь обрести форму наличия/присутствия» [9, с. 468], откуда следует, что так называемый «смысл» есть отстраненный-отсроченный эффект текста, эффект игры *Supplément* и *Différance* – игры бесконечного надстраивания означающих над недоступными, отсутствующими для восприятия референтами; «смысл» есть не проявление имплицитного целостного и единого благодаря своей центрированности предзаданного значения, но продукт свободной процессуальной игры означивания. Смысл текста как результат интерпретации всегда недостаточен, трактовка его всегда характеризуется изъянами и неполнотой, которые порождают бесконечное желание их восполнить. Читатель, утолив желание, объектом которого являлся отдельный конкретный текст, рано или поздно остановится, но механизм *Supplément*, изначально встроенный в любой текст, не останавливается никогда.

***

Подводя итог всему вышенаписанному, я бы хотел еще раз подчеркнуть, что деконструкцию неправильно было бы называть методом, она является скорее совокупностью интерпретационных предустановок или концептуальным аппаратом осмысления опыта взаимодействия со знаковыми системами. Важно, помимо прочего, что концепты грамматиологии можно было бы назвать взаимозаменяемыми и – в определенных контекстах или, если подразумевать определенную функцию, – они могут быть объяснены друг через друга: *Différance* возможно представить в качестве модуса существования, восприятия и познания в форме дифференциации и отбора следов, наносимых в процессе письма, порож-

дающего структуры, пригодные для функционирования внутри них *Différance*. След, в свою очередь, есть разрушение мира присутствия в ходе *Différance* и в то же время он есть инструмент производства смысла в ходе письма. И все эти концепты парадоксальным образом будто бы маскируют себя путем восполнения (*Supplément*) нехватки, которую при должном внимании можно обнаружить на всех уровнях, и порождают иллюзию присутствия, подрывая ее при этом, стоит только подвергнуть эту иллюзию процедуре деконструкции.

В терминах грамматиологии представляется возможным описать и деконструктивный процесс чтения: *Différance* здесь есть особый подход к рецепции текста посредством изоляции и дифференциации означающих как отдельных смысловых фрагментов (будь то темы, мотивы, персонажи, метафорический ряд того или иного текста и т.д.), которые, в свою очередь, являются следами, несущими на себе отпечаток других текстов, отпечаток других смысловых фрагментов данного текста, отпечаток индивидуального опыта читателя. Художественный текст, будучи с точки зрения деконструкции некоторой совокупностью следов, обретает в сознании читателя иллюзию целостности, связности и последовательности благодаря *Supplément*, который компенсирует нехватку на уровне означаемых, собственно, производя смысл и делая из набора знаков то, что мы привыкли понимать под художественным произведением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова Н.С. *Философский язык Жака Деррида*. М.: РОССПЭН, 2011.
2. Ажимов Ф.Е. «Архив» деконструкции Жака Деррида // *Вестник культурологии*. 2009. № 1. С. 136–144.
3. Грицанов А.А., Гурко Е.Н. *Différance* // *Новейший философский словарь. Постмодернизм*. Минск: Современный литератор, 2007. С. 107–111.
4. Грицанов А.А., Гурко Е.Н. Деконструкция // *Новейший философский словарь. Постмодернизм*. Минск: Современный литератор, 2007. С. 114–117.
5. Грицанов А.А. Логоцентризм // *Новейший философский словарь. Постмодернизм*. Минск: Современный литератор, 2007. С. 290–291.
6. Грицанов А.А. Трансцендентальное означаемое // *Новейший философский словарь. По-*

стмодернизм. Минск: Современный литератор, 2007. С. 668–669.

7. Гурко Е.Н. Деконструкция: тексты и интерпретация // Деррида Ж. Оставь это имя (Постскрипtum), Как избежать разговора: денегации. Минск: Экономпресс, 2001. С. 205–250.

8. Гурко Е.Н. Нечто, относящееся к грамматологии // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современный литератор, 2007. С. 344–354.

9. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.

10. Деррида Ж. Позиции. М.: Академический проект, 2007.

11. Дьяков А.В. Философия пост-структурализма во Франции. Нью-Йорк: Изд-во «Северный Крест», 2008.

12. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996.

13. Косиков Г.К. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 3–45.

14. Косыхин В.Г. Критика метафизического понимания бытия в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2007. № 2. С. 31–36.

15. Рахмановская Е.А. Ф. Ницше против метафизики и эссенциализма // Философская школа. 2018. № 3. С. 121–129.

16. Смоляк А.В. Опыт деконструкции романа Кена Кизи «Порою блажь великая» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 2. С. 95–104.

17. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko/theatrum.php

18. Saldivar, R., 1984. Figural language in the novel: The flowers of speech from Cervantes to Joyce. Princeton: Princeton University Press.

REFERENCES

1. Avtonomova, N.S., 2011. *Filosofskii yazyk Zhaka Derrida* [The philosophical language of Jacques Derrida]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

2. Azhimov, F.E., 2009. «Arkhiv» dekonstruktsii Zhaka Derrida [The «Archive» of Jacques Derrida's deconstruction], *Vestnik kul'turologii*, no. 1, pp. 136–144. (in Russ.)

3. Gritsanov, A.A. and Gurko, E.N., 2007. *Différance* [Différance]. In: *Noveishii filosofskii*

slovar'. Postmodernizm. Minsk: Sovremennyi literator, pp. 107–111. (in Russ.)

4. Gritsanov, A.A. and Gurko, E.N., 2007. *Dekonstruktziya* [Deconstruction]. In: *Noveishii filosofskii slovar'*. Postmodernizm. Minsk: Sovremennyi literator, pp. 114–117. (in Russ.)

5. Gritsanov, A.A., 2007. *Logotsentriзм* [Logocentrism]. In: *Noveishii filosofskii slovar'*. Postmodernizm. Minsk: Sovremennyi literator, pp. 290–291. (in Russ.)

6. Gritsanov, A.A., 2007. *Transtsendental'noe oznachaemoe* [Transcendental signified]. In: *Noveishii filosofskii slovar'*. Postmodernizm. Minsk: Sovremennyi literator, pp. 668–669. (in Russ.)

7. Gurko, E.N., 2001. *Dekonstruktziya: teksty i interpretatsiya* [Deconstruction: texts and interpretation]. In: *Derrida, J., 2001. Ostav' eto imya* (Postskriptum), *Kak izbezhat' razgovora: denegatsii*. Minsk: Ekonompress, pp. 205–250. (in Russ.)

8. Gurko, E.N., 2007. *Nechto, odnosyashcheesya k grammatologii* [Of grammarology]. In: *Noveishii filosofskii slovar'*. Postmodernizm. Minsk: Sovremennyi literator, pp. 344–354. (in Russ.)

9. Derrida, J., 2000. *O grammatologii* [Of grammarology]. Moskva: Ad Marginem. (in Russ.)

10. Derrida, J., 2007. *Pozitsii* [Positions]. Moskva: Akademicheskii proekt. (in Russ.)

11. D'yakov, A.V., 2008. *Filosofiya post-strukturalizma vo Frantsii* [Poststructuralist philosophy in France]. New York: Izd-vo «Severnyi Krest». (in Russ.)

12. Ilyin, I.P., 1996. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moskva: Intrada. (in Russ.)

13. Kosikov, G.K., 1989. *Rolan Bart – semiolog, literaturoved* [Roland Barthes as a semiologist and literary theorist]. In: *Bart, R., 1989. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika*. Moskva: Progress, pp. 3–45. (in Russ.)

14. Kosykhin, V.G., 2007. *Kritika metafizicheskogo ponimaniya bytiya v fundamental'noi ontologii Martina Haideggera* [Criticism of the metaphysical understanding of being in the fundamental ontology of Martin Heidegger], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, no. 2, pp. 31–36. (in Russ.)

15. Rakhmanovskaya, E.A., 2018. *F. Nitsshe protiv metafiziki i essentsializma* [F. Nietzsche against metaphysics and essentialism], *Filosofskaya shkola*, no. 3, pp. 121–129. (in Russ.)

16. Smolyak, A.V., 2019. Opyt dekonstruktsii romana Kena Kizi «Poroyu blazh' velikaya» [Ken Kesey's novel «Sometimes a Great Notion»: a deconstruction attempt], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 2, pp. 95–104. (in Russ.)

17. Foucault, M. *Theatrum philosophicum*. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko/theatrum.php (in Russ.)

18. Saldivar, R., 1984. *Figural language in the novel: The flowers of speech from Cervantes to Joyce*. Princeton: Princeton University Press.

